

нормы в нем отражена. Несмотря на внешнюю декларативность последней формулировки нормы МПГПП, прямое ее отсутствие в Конституции Республики Таджикистан может привести к непредвиденным ситуациям.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что на формирование положений о личных правах человека в Конституции Республики Таджикистан существенное влияние оказали нормы МПГПП. Кроме того, как прослеживается из последних правовых реформ, работа в данной сфере продолжается. Свидетельством является конституционная реформа по внесению изменений и дополнений в Конституцию Республики Таджикистан, проведенная 22 мая 2016 г.

УДК 342.9:341.231.14

И.В. Бойко

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Справедливость является базовой ценностью современного общества. Она нашла проявление и в правах человека. Одним из фундаментальных для человека есть право на справедливый суд.

Концепция права на справедливый суд развивалась на протяжении длительного периода. Окончательно и наиболее полно оно нашло свое закрепление в Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом 16 декабря 1966 г., и Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Конвенция). Ценность этих международно-правовых актов заключается не только в том, что в них декларировано право на справедливый суд, но и в том, что они обязывают государства-участников «принять необходимые меры относительно своих конституционных процедур... которые могут явиться необходимыми для осуществления прав, признанных в этих документах» (ч. 2 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Одним из наиболее эффективных органов, уполномоченных осуществлять контроль за соблюдением основных прав и свобод человека, следует считать Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Правовой основой функционирования и деятельности ЕСПЧ является Конвенция.

Сущность права на справедливый суд сводится к сочетанию двух категорий – справедливости и правосудия. Рассматривая дела об административных правонарушениях, суд также осуществляет правосудие,

поэтому целесообразно поставить вопрос о применимости ст. 6 Конвенции (право на справедливый суд) в производстве по делам об административных правонарушениях. Сфера применимости этого права определена в п. 1 данной статьи: «каждый имеет право на справедливое и публичное рассмотрение его дела на протяжении разумного срока независимым и беспристрастным судом, установленным законом, который разрешит спор о его правах и обязанностях гражданского характера или установит обоснованность любого выдвинутого против него уголовного обвинения». Анализ этого положения дает возможность выяснить круг объектов, судебная защита которых должна осуществляться с соблюдением требований справедливого судебного рассмотрения. Такими объектами выступают права и обязанности гражданского характера, а также права человека при предъявлении уголовного обвинения.

Толкование терминов, используемых в Конвенции, ЕСПЧ осуществляет самостоятельно, или автономно. Это означает, что он не считает обязательным для себя то значение, которое определенный термин имеет в рамках правовой системы государства – члена Совета Европы, являющегося стороной Конвенции. Такая автономность толкования касается и понимания ЕСПЧ термина «уголовное обвинение».

Классификация дела как уголовного важна, поскольку ст. 6 Конвенции распространяет свое действие только на порядок судебного рассмотрения дел о гражданских правах и обязанностях и дел уголовного обвинения. Наличие в правовом конфликте уголовного обвинения имеет следствием применение в производстве по этому делу гарантий, предусмотренных данной статьей.

В решении по делу Энгеля и других против Нидерландов ЕСПЧ определил критерии, которые позволяют выяснить, какие конфликты характеризуются как связанные с уголовным обвинением. Первый – это критерий национального права. Он означает, что суд должен прежде всего определить, принадлежат ли статьи, по которым обвиняется лицо, во внутреннем праве государства-ответчика к уголовному праву. Если внутреннее законодательство страны-участницы классифицирует правонарушение как уголовное, в таком случае данный критерий будет иметь решающее значение. Однако рассматриваемый критерий носит формальный характер и не является определяющим для ЕСПЧ. Если национальное законодательство страны-участницы прямо не относит деяние к преступлению, это не означает, что суд ограничен таким пониманием и не может применить гарантии права на справедливый суд к рассмотрению дел касательно этого нарушения. В таком случае ЕСПЧ изучает фактическое содержание дела. В решении по делу Девеер против Бельгии

ЕСПЧ отметил, что склоняется к выбору в пользу содержательного, а не формального понятия обвинения в тексте п. 1 ст. 6 Конвенции.

Вторым критерием назван характер правонарушения. В решении по делу Юссила против Финляндии ЕСПЧ этот критерий определил как более важный фактор. Для того чтобы оценить правонарушение по его характеру, суд должен учесть ряд обстоятельств. Так, в решении по делу Бенденуна против Франции установлено, что важно выяснить, применяется ли норма об ответственности к определенной группе лиц или она имеет общеобязательный характер, зависит ли наложение взыскания от установления вины, является ли юридическая норма мерой наказания или профилактики. Разрешая дело Бенхема против Соединенного Королевства, ЕСПЧ добавил в вышеназванному, что необходимо определить, было ли судебное производство, о котором идет речь в деле, возбуждено органом государственной власти при осуществлении им законодательно предусмотренных полномочий по принудительному взысканию платежа. К тому же суд может проанализировать, как процедура привлечения к ответственности классифицируется в других государствах – участниках Совета Европы.

И наконец, третий критерий – строгость наказания, который может быть применен к обвиняемому. Строгость определяется исходя из максимально возможного наказания, предусмотренного соответствующим законодательством. К такому выводу суд пришел, рассматривая дело Кемпбела и Фелла против Соединенного Королевства.

Приведенные в решении по делу Энгеля второй и третий критерии следует считать альтернативными. Они не обязательно должны учитываться суммарно для разрешения вопроса о применимости ст. 6 Конвенции. Для такого решения достаточно, чтобы правонарушение по своему характеру можно было бы рассматривать как уголовное с точки зрения Конвенции или чтобы за совершение данного правонарушения лицо могло быть подвергнуто такому наказанию, которое по своей природе и степени серьезности относится в целом к уголовной сфере. Соответствие хотя бы одному из этих критериев обуславливает уголовный характер деяния. Однако ЕСПЧ может применить и совокупный подход. Это касается ситуаций, при которых анализ каждого отдельного критерия не позволяет прийти к выводу о наличии уголовного обвинения (дело Бенденуна против Франции).

Очевидно, что ЕСПЧ расширяет свое собственное, автономное видение понятия «уголовное обвинение», относя к уголовным и определенные дела об административных правонарушениях. Такой подход обуславливает необходимость распространения гарантий права на спра-

ведливый суд на производство по делам об административных правонарушениях. Закрепленные в Конвенции гарантии можно сгруппировать следующим образом: содействующие возможности судебного рассмотрения дела (создание суда на основе закона, независимость и беспристрастность суда) и содействующие эффективной судебной защите лица (справедливость судебного рассмотрения, публичность рассмотрения дел, разумный срок рассмотрения дел; презумпция невиновности лица, которое привлекается к административной ответственности; право на защиту; возможность обжалования судебных решений).

УДК 342.72/.73(477)(045)

Д.И. Бородин

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖИЗНИ ГРАЖДАН УКРАИНЫ

В украинском законодательстве сформировался значительный массив норм, регламентирующих вопросы охраны жизни ее граждан. Правовые нормы, обеспечивающие охрану жизни граждан, сейчас есть в конституционном, уголовном, административном, гражданском, семейном, информационном праве.

Основополагающие критерии защиты граждан в отечественном законодательстве заложены нормами международного права. Их положения нашли свое отображение в Конституции Украины. В ст. 3 Основного Закона установлено: «человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью». Определяя личность наивысшей социальной ценностью, государство берет под охрану все правомерные проявления индивидуальности человека, при этом ценность личности объединяется с ее личными благами.

Конституция Украины (ст. 30–32) предоставляет физическому лицу целый ряд прав и юридических гарантий, направленных на обеспечение неприкосновенности личной и семейной жизни, жилища, тайны переписки, телефонных разговоров, телеграфной и другой корреспонденции; устанавливает ограничения информационной деятельности с использованием данных о личной жизни человека. Указанные права, как и другие, являются неотчуждаемыми (ч. 2 ст. 22) и в соответствии со ст. 55 защищаются судом и другими правовыми способами.

Провозглашенные в Конституции права без соответствующего отраслевого обеспечения носили бы декларативный характер и не имели бы